

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛОГИКИ

К. А. Михайлов, РАНХиГС

ФЕНОМЕН ДВОЕМЫСЛИЯ: ЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ

Когда заходит речь об описанной в антиутопии Дж. Оруэлла «1984» схемы мышления под названием «*двоемыслие*», обычно ограничиваются стандартным определением, которое действительно нетрудно найти в самом тексте романа, некоторая вариация наша: «Двоемыслие – это способность одновременно придерживаться двух противоположных точек зрения, быть убежденным в истинности их обеих». Однако, при более детальном анализе (прочном основанном, впрочем, на разъяснениях самого Оруэлла, которые часто оставляют «за кадром») всё оказывается не столь прозрачно.

Итак, самая простая формула двоемыслия может выглядеть так: $X \& \neg X$, где X – некоторое утверждение-убеждение (например, «В прошлом году мы воевали с Океанией»). Сразу же заметим, что для простоты и наглядности мы не будем использовать модальные операторы эпистемической логики (хотя это, возможно, и несколько обеднит нашу реконструкцию). Рассмотрим классическую модель двоемыслия, предлагаемую нам самим писателем – операцию подделки старых газет (т.е. подмены старых экземпляров на свежееизготовленные, излагающие факты так, как это требуется Партии на данном этапе). Очевидно, что *физическая* «подделка прошлого» не имеет смысла без «переделки сознания» и *логических схем* мышления членов такого общества. Ведь человек, работающий в организации, где по приказу Партии подделывают документы, *знает* (в смысле *должен* знать по факту), что он подделывает историю. Стало быть, история *не может считаться подделанной до конца* – по крайней мере, до тех пор, пока кто-то *сознает разницу* между тем, что происходило в реальности (о чем говорят ему его собственная память, зрительное восприятие старых документов, аналогичные суждения друзей и коллег и т. д.), и тем, как представлено это в новой, подделанной сводке. «Человек сознает, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна» (Оруэлл). И здесь речь даже не о *трактовке* фактов (о которой действительно можно спорить), а о *самых* фактах, вплоть до таких, как «Прошла встреча между *N.* и *M.*, на которой открыто, в присутствии прессы, обсуждались такие-то вопросы», «В данном номере журнала была напечатана такая-то статья». И здесь-то как раз и возникает в высшей степени интересное противоречие, составляющее глубинную (а уже не «поверхностную») суть двоемыслия. Чтобы историю успешно подделывать и подделать, надо локализовать, *нейтрализовать факт осознания этого процесса* у ее подделывающих (это, впрочем, очевидно). Но сама подделка («исправление») как *подделка* возможна лишь тогда и до тех пор, пока это *осознание различий сохраняется!* Иначе люди на этой службе просто не смогут работать – как можно заставить их что-то менять в первой вещи, чтобы она стала похожа на вторую, если они *сознают, что они и так не различаются?* Одна вещь не может отличаться от другой вещи в том случае, если этой второй вещи просто нет (точнее, в нашем случае, если эта вторая и объявляется первой, т.е. мы имеем дело с одной и той же вещью; но не может же вещь отличаться от самой себя?), то есть новая и старая исторические сводки должны для субъекта *одновременно* быть *тождественными* и *различаться* (чтобы далее стать тождественными!). Поистине дьявольская диалектика двоемыслия и торжество противоречия во всей его красе! Если обозначить старую газету за A , а новую за B (фактически $\neg A$), то логическая форма противоречия будет уже такой, более сложной: $(A \equiv \neg B) \& \neg (A \equiv B)$. Но и на этом нельзя, естественно, остановиться (вот здесь самая квинтэссенция оруэлловской модели): «Даже пользуясь словом “двоемыслие” (а без этого нельзя, ибо такой технологией надо овладеть, а это невозможно, не фиксируя соответствующее явление в

языке. – *Авт.*), необходимо прибегать к двоемыслию (выделение наше. – *Авт.*). Ибо, употребляя это слово, ты признаешь, что мошенничаешь с действительностью; еще один акт двоемыслия – и ты стер это в памяти; и так до бесконечности...» (надо сначала забыть, потом забыть, что забыть и т.д.). В нашей формальной структуре это будет выглядеть так. Сами тождество и различие объектов (газет) должны одновременно осознаваться не только как различные, но и как тождественные:

$$\neg(\neg(A \equiv B) \equiv (A \equiv B)) \& (\neg(A \equiv B) \equiv (A \equiv B)).$$

И далее все пойдет, естественно, аналогично. Эта схема последовательных итераций поразительно напоминает логику построения знаменитого парадокса «Что черепаха сказала Ахиллу» Л. Кэрролла. И там, и здесь с помощью перевода «метауровневого» утверждения на уровень «объектный» порождаются все более и более сложные по структуре логические формы, и в обоих случаях очевидно, что такая итерация бесконечна. Показательно и то, что, как указывает Оруэлл, «ложь все время на шаг впереди истины». А здесь уже трудно не заметить фактического изоморфизма с «парадоксом чистого листа бумаги» (как только мы описали лист на нем самом, это описание перестало быть адекватным, А. Ивин называет это «бесконечным спуском»). Доводя мысль Оруэлла до логического завершения, подчеркнем, что, по сути, осознаваемое должно стать тождественным неосознаваемому (так как знание о двоемыслии *одновременно* является его необходимым условием и фактом, несовместимым с ним!): «Этот процесс (смены собственных воспоминаний с помощью двоемыслия. – *Авт.*) должен быть *сознательным*, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и *бессознательным*, иначе возникнет *ощущение лжи*, а значит, и вины». Сам Оруэлл выражает мысль о предельном совпадении сознания и бессознательного так (выделение наше): «*Тоньше всех владеют двоемыслием те, кто изобрел двоемыслие и понимает его как грандиозную систему умственного надувательства*. В нашем обществе те, кто *лучше* всех осведомлен о происходящем, *меньше* всех способны увидеть мир таким, каков он есть. В общем, чем *больше* понимания, тем *сильнее* иллюзии: *чем умнее, тем безумнее*». Ну и, разумеется, «титульный» лозунг, известный даже тем, кто внимательно не читал «1984»: «Правоверие – состояние бессознательное» (еще одна иллюстрация к нашему анализу соотношения осознаваемого и «забытого»). А вот еще несколько сугубо «логических» цитат Оруэлла на эту тему (выделение наше): «Зная, не знать; *логикой убивать логику*... уметь забыть любой факт, ставший “неудобным”, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, и снова немедленно забыть, и, главное, *применять этот процесс к самому процессу* – вот в чем самая тонкость: *сознательно преодолевать сознание и при этом не сознавать, что занимаешься самогипнозом*».

И потому неудивительно, что основными принципами устройства описываемого Оруэллом общества являются логические противоречия вида «X есть не-X»: «*Незнание – это сила, война – это мир, свобода – это рабство*».

И еще. Немногие акцентируют внимание на том моменте, что сама доктрина двоемыслия как нормативной технологии и практики мышления подобного тоталитарного общества *логически вытекает* из описанного Оруэллом социального устройства!

Кроме того, можно попытаться провести параллели между основными принципами построения «нового» в обществе, описываемом в романе, и идеями логической семантики о невозможности выразить те или иные предикаты в языке определенного уровня. «Лексика была сконструирована так, чтобы отсечь все остальные (кроме нужных и полезных. – *Авт.*) значения, равно как и *возможности прийти к ним окольными путями* (выделено нами. – *Авт.*)... [Человек] не в силах совершить многие преступления и ошибки – просто потому, что они безымянны, а следовательно, *немыслимы*».